

СЛЫШИМ!

II

СЛЫШИМ!

II

В предисловии к первому сборнику протестов наших соотечественников было сказано:

«Со смелостью, свойственной лучшим представителям нашего народа, сотни советских граждан поставили свои подписи под письмами, осуждающими репрессии сталинского стиля и те издевательства печати, которые инсценировались властью под вывеской суда общественности».

В этом году открылись новые злодеяния антинародной власти, направленные против отдельных граждан, против разных групп населения, против всего народа. Несмотря на угрозы, препятствия и карательные меры, правительству СССР не удалось утаить сведения об этих новых преступлениях, нарушающих элементарные права гражданина и основы Декларации Объединенных Наций о правах человека.

Голос мужественных людей услышан. Наш долг — приложить усилия к тому, чтобы мир узнал о неравной борьбе нашего народа с аппаратом безжалостной диктатуры.

ПРОТЕСТ КРЫМСКИХ ТАТАР

ИНФОРМАЦИЯ № 82 (Новогодняя) находящихся в Москве представителей Крымско-татарского народа. 1 января 1969 года.

Азиз Ватандашлар !! .

Дорогие соотечественники !

Закончился 1968 год, объявленный Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом Прав Человека. Крымско-та-

гарский народ надеялся, что правительство в этом году предпримет, наконец, какие-то шаги в деле решения этого национального вопроса хотя бы из соображения своего престижа. Но надежды наши не оправдались. Наш национальный вопрос не только не решен, но еще больше обострился из-за суровых репрессий властей против крымских татар. В застенки КГБ брошены еще несколько наиболее мужественных и принципиальных борцов за народные интересы — **Рафаров Ридван, Хаиров Изет, Кадыев Ролан, Баев Гомер, Бариев Айдер** и многие другие.

За день до начала Международной Конференции по правам Человека в Тегеране, власти Узбекской ССР учинили жестокий погром над мирными гражданами крымскотатарской национальности в г. Чирчик. Отряды милиции, солдаты войск внутренней службы и пожарные подразделения под руководством крупных начальников демонстрировали свою силу и ловкость на мирных гражданах — в большинстве женщинах и детях, собравшихся отметить национальный праздник весны. Это была попытка властей внушить крымским татарам мысль о том, что любое выражение ими своей национальной самобытности, выражение любви к обычаям и традициям своей Родины — Крыма, будет сурово пресекаться. Напрасно представители крымских татар в Москве телеграфировали в ЦК КПСС и в другие высшие органы с требованием срочно создать правительственную комиссию для расследования этого преступления. КПССовские руководители не вняли голосу народных представителей. Организаторы массового террора не только не были наказаны, но с помощью нескольких судебных фарсов ответственность за все события была переложена на 10 жертв этого произвола, которые были осуждены к различным срокам лишения свободы по обвинению в организации массовых беспорядков, сопротивлении властям и распространении антисоветской клеветы.

Эти и многие другие вопиющие факты беззакония против крымских татар не помешали Советской делегации в Тегеране заявить, что Советский Союз твердо обеспечивает защиту гражданских, политических и культурных прав своих граждан, а затем обрушиться «праведным гневом» на «правящие хунты» некоторых государств, проводящих политику расовой и национальной дискриминации.

Еще не успела Советская делегация вернуться из Тегерана, где она подписала заявление, в котором говорится о необ-

ходимости усилить борьбу против расовой дискриминации . . . , чтобы просить руководителей правящей партии и правительства ускорить решение крымскотатарского национального вопроса.

Ежедневно советская пресса извещала о преследованиях и судебных расправах над демократами и участниками национально-освободительных движений в других странах, от имени всей советской общественности протестовала против арестов коммунистов в Индонезии, без усталости распевала «счастливую жизнь семьи равноправных народов СССР». А тем временем хулиганствующие «блюстители порядка», в Крыму избивали беззащитные семьи крымских татар только за то, что вопреки воле мракобесов — шовинистов они покинули места ссылки и вернулись на свою Родину, в Узбекистане по ложному обвинению в антисоветской деятельности судили наиболее активных участников крымскотатарского национального движения за равноправие и с помощью военной силы разгоняли мирные гуляния и религиозные собрания крымских татар, а в столице СССР, у самого здания ЦК КПСС карательные органы под руководством своих высших чинов организовали облавы на законных представителей народа . . . И не нашлось ни одной строчки ни в одной из тысяч газет и журналов нашей «народной» и «самой демократической» советской прессы, где хотя бы вскользь было упомянуто об этих трагических для народа событиях.

Но минувший год характерен не только этими мрачными картинками. В 1968 году еще выше поднялась гражданская сознательность всего нашего народа. Массовые репрессии не испугали крымско-татарский народ. На каждое беззаконие народ отвечал массовыми протестами, многочисленными собраниями и митингами, именно его сплоченность и твердая воля вызывает столь откровенную ярость тех, кто хотел бы сохранить порядок мрачных сталинских времен, когда кучка бездарных карьеристов и функционеров с безмерно раздутым идолом во главе, могла диктовать свою преступную волю скованному страхом советскому народу, могла по своему усмотрению распорядиться имуществом, суверенной территорией и свободой целых наций и народов.

Национальное движение крымскотатарского народа за равноправие в последнее время перешло в новую фазу. Мужество и непоколебимость крымских татар привлекли внимание передовой советской общественности, передовых людей Советско-

го Союза, которым не безразлична честь своей страны и судьба ее народа. Все настойчивее начинает звучать в поддержку нашего движения и голос мировой прогрессивной общественности. Теперь мы не одни. С этим правительству со временем придется считаться. Должны учитывать эти благоприятствующие условия и мы. Укрепляя свои ряды и активируя свои национальные силы, мы должны продолжать искать своих друзей по всей стране, во всем мире.

События происходящие ныне в мире являются ярким подтверждением того, что никакая, даже сверхмощная, сила не может сломить народ, каким бы он ни был малочисленным, если он един в помыслах и делах своих.

Новый 1969 год должен быть годом еще большей политической активизации и единства действий нашего народа. И не далеко то время, когда народ наш, с помощью всех прогрессивных сил, сумеет сломать хребет великодержавному шовинизму и возрожденная нация вздохнет полной грудью на своей родной земле.

**С Новым Годом вас, дорогие соотечественники!
... Хайырлы Олсун, азис батандашлар!**

*** * ***

Письмо Ларисы Богораз

ОБ АРЕСТЕ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

Анатолий Марченко арестован и сидит в Бутырской тюрьме. Против него фабрикуется дело о нарушении паспортного режима — будто бы он жил без прописки в Москве.

Сейчас уже не время говорить о том, что статья 198 УК РСФСР (о лишении свободы за нарушение паспортного режима) — пережиток крепостничества 18-го века или сталинского порабощения населения. Не время доказывать, что она

прямо противоречит Декларации прав человека; обсуждать лицемерие правительства, которое «для вывески» требует во всем мире такой минимальной свободы для человека, как свобода выбора места жительства, а у себя дома предусматривает уголовную ответственность за осуществление этой свободы. Сейчас поздно разбирать юридическую неоднозначность формулировок этой статьи, такую, что практически каждый гражданин может оказаться виновным в ее нарушении — притом сам того не зная, так как она ссылается на «специальные правила», не только никому не ведомые, но и прямо секретные. Следует лишь заметить, что из-за полной неопределенности и неоднозначности статья 198 допускает произвол властей, который может быть пущен в ход в случае надобности.

И вот он действительно пущен в ход против Анатолия Марченко.

Речь идет сейчас о его судьбе, и необходимо, оставив в стороне общие юридические, социальные и даже моральные вопросы, защитить от произвола этого человека.

По отношению к закону о прописке, к 198-ой статье УК Марченко вел себя так же, как остальные граждане, не состоящие сейчас под судом и следствием. Как все мы, Марченко имел паспорт, должным образом прописанный по месту жительства. Работал грузчиком на фабрике, жил на трудовой заработок. Имел друзей-москвичей, бывал у них в гостях, а иногда даже оставался ночевать. Ни разу он не нарушал общественного порядка, никому не нанес ни малейшего материального ущерба. Почему же именно против него пущена в ход машина произвола властей?

Об этом легко догадаться, прочитав обращение друзей Анатолия Марченко.

Его книга, в которой он правдиво рассказал о лагерях для политзаключенных, вызвала такую ненависть к нему со стороны КГБ, что его стали травить, как зайца. Месяцами за ним по пятам следовали агенты КГБ — я уже знаю многих из них в лицо, настолько они мне примелькались. И не только в Москве, где он работает, в Александрове, где он живет: он поехал навестить родных в Рязань — ему не дали сойти с поезда и заставили вернуться обратно. Его схватили на улице, едва он выписался из больницы; ему разбили лицо, вталкивая в машину, когда он приехал в Москву на литературный вечер.

Открытое письмо Марченко в «Руде право» и в другие газеты, видимо, обозлило КГБ до такой степени, что они не за-

хотели больше ждать: как угодно и за что угодно посадить этого Марченко за решетку! Утром 29-го июля его схватили на улице по дороге на работу — и теперь он снова в тюрьме. И вторая его книга осталась незаконченной.

В прошлый арест Марченко хотели сделать политическим преступником — и сделали, хотя он им не был. На этот раз политическая расправа идет под маркой уголовного дела. Вот что подтверждает его политическую подоплеку и причастность к нему КГБ :

По делу о нарушении паспортного режима производится обыск и изымаются бумаги Марченко, черновики, конспекты. По подозрению в таком ничтожном правонарушении применяется самая строгая мера пресечения — арест. Существуют ведь такие меры досудебного контроля, как подписка о невыезде, личное поручительство, денежный залог, взятие на поруки; арест — лишь в особых случаях.

Вся история Марченко — до самого ареста — убеждает меня в том, что ему прозит серьезная опасность: если его осудят на год лагерей, он может и не выйти оттуда. За год, ох, как много можно сделать с человеком в условиях лагеря, особенно если сильно хотеть свести с ним счеты!

Я уверена, что ни один порядочный человек не останется равнодушным к судьбе Марченко. Если вы еще не читали, прочтите его книгу «Мои показания», прочтите его открытые письма — все это есть в «Самиздате». Прочтите, и вы сами увидите, что Анатолий Марченко — не проходимец, не авантюрист, а талантливый, самобытный писатель-публицист, бескомпромиссный и мужественный человек. Мужественный за всех нас, за каждого из нас.

Марченко не рассчитывал ни на чье заступничество. Он понимал, что с ним могут расправиться в любой день. Но имеем ли МЫ право допустить это?

Мне пришлось слышать рассуждения многих людей, и даже порядочных: мол, на фоне общих событий, таких, например, как угроза интервенции в Чехословакию, — возможно ли занимать общество судьбой одного человека! И не привыкли разве мы к более трагическим вещам!

Привыкнуть — по-моему, невозможно. Что же касается судьбы одного человека — вспомните: вся передовая Франция встала на защиту Дрейфуса; лучшие люди России нашли способ защитить Бейлиса, и тоже на фоне достаточно серьезных событий, накануне мировой войны. Между прочим, существует

прямая зависимость между ходом событий исторического масштаба и такой частностью, как цена отдельной человеческой жизни.

1 августа 1968 г.

Москва .

Лариса Богораз .

(Примечание. За распространение этого письма была осуждена Ирина Белгородская. См. ниже).

* * *

СУД НАД ИРИНОЙ БЕЛОГОРОДСКОЙ

*

19 февраля 1969 г. в Москве, в помещении Бауманского районного суда, состоялся суд над Ириной БЕЛОГОРОДСКОЙ. БЕЛОГОРОДСКАЯ, инженер НИИ Госкомитета по делам изобретений, арестована в ночь с 7 на 8 августа 1968 г. в связи с распространением письма в защиту Анатолия МАРЧЕНКО. Арест БЕЛОГОРОДСКОЙ и предшествующие ему обыски у нее и у троих из авторов письма — Ларисы БОГОРАЗ, Людмилы АЛЕКСЕЕВОЙ и Виктора КРАСИНА — были вызваны тем, что в ночь с 6 на 7 августа Ирина БЕЛОГОРОДСКАЯ забыла в такси сумку со своими документами и с несколькими десятками экземпляров письма в защиту МАРЧЕНКО. Сумка была доставлена в КГБ, который и провел обыски, арестовал БЕЛОГОРОДСКУЮ и провел первоначальное расследование, после чего дело было передано в прокуратуру г. Москвы. Следствие по делу БЕЛОГОРОДСКОЙ вела следователь Л. С. АКимова. В конце августа и в сентябре Л. С. АКимова руководила бригадой, проводившей следствие по делу о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г.

Судом, под председательством судьи МОНАХОВА, Ирина БЕЛОГОРОДСКАЯ признана виновной в «попытке распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский го-

сударственный и общественный строй, не удавшейся по не зависящим от нее обстоятельствам, т. е. по ст. 190¹ и 15 УК РСФСР» и — «с учетом положительной характеристики с места работы» — приговорена к одному году лишения свободы в лагере общего режима.

Обстановка в здании суда была уже известной по всем предыдущим «открытым» процессам, но, пожалуй, чуть более мягкой. Несмотря на то, что зал суда, как обычно, был заполнен до того, как здание суда открыли, кое-кому из друзей подсудимой удалось проникнуть в зал. Десятки собравшихся видели и приветствовали Ирину БЕЛОГОРОДСКУЮ. Когда после приговора ее вели к «взронку», из толпы, стоявшей за цепью милиционеров и лиц в штатском, к ней полетели букеты цветов. Конвоир вырвал у нее из рук и отбросил единственный пойманный букет, а охранитель в штатском стал с ненавистью топтать его ногами.

* * *

НА 17 ЛАГПУНКТЕ

*

В конце февраля 1969 г. на 17 лагпункте Мордовских лагерей группа политзаключенных, в том числе Юлий ДАНИЭЛЬ, Юрий ГАЛАНСКОВ, Александр ГИНЗБУРГ, Валерий РОНКИН, Вячеслав ПЛАТОНОВ и др., предъявила лагерной администрации ультиматум: либо администрация будет соблюдать гарантии, данные при прекращении голодовки в феврале 1968 г., либо заключенные вновь объявят голодовку. Голодовка направлена против произвола администрации 17 лагпункта и будет проводиться только на его территории.

Непосредственным поводом к ультиматуму послужило лишение Валерия РОНКИНА личного свидания, которое должно было быть в мае, за то, что он в разговоре с майором ГОЛУБЯТНИКОВЫМ назвал себя политзаключенным. В феврале 1968 г. было обещано, что такая мера наказания, как лишение свидания, будет применяться только с санкции прокурора. Не соблюдаются и другие гарантии.

Строгий режим на 17 лагпункте жестче, чем на других. 17 лагпункт стал местом изоляции тех, кто, по мнению администрации, может оказать влияние на других заключенных. Именно так оказались на 17-ом Вячеслав ПЛАТОНОВ и Леонид БОРОДИН, сначала вместе с остальными ленинградскими «социал-христианами» помещенные на 11 лагпункт. На 11-м Вячеслав ПЛАТОНОВ попал в БУР, барак усиленного режима, т. е. долгосрочный карцер, и сразу же в Москву было направлено несколько десятков заявлений протеста от других заключенных. ПЛАТОНОВ был освобожден из БУРа, но не возвращен в зону, а сначала переведен вместе с Леонидом БОРОДИНЫМ в следственную тюрьму в Саранск, откуда их обоих в начале февраля перевели на 17-й.

* * *

ПИСЬМО ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ К ДРУГУ

*

Дорогой мой друг, спасибо вам за ваше письмо, такое неожиданное и такое доброе. Спасибо за пожелания. Дай Бог им осуществиться, хотя, признаюсь вам как на духу, надежд на это у меня мало. Вы просите, чтобы я написал вам о себе — о своем быте, о друзьях, о работе, и той, что я делаю по принуждению, и той, настоящей, для которой, как вы считали, я и «предназначен судьбой». Трудная задача . . . Справиться с ней под силу лишь дневникам, но в конце 67 года у меня отобрали две тетради дневниковых записей, и они исчезли бесследно. Восстановить их я уже не сумею, продолжать — не хватает духу: все равно отберут. Жаль, что вы живете не в Москве. Во-первых, кое-что вы знали бы из писем моей семье. (А теперь уже — даже не семье, а только сыну). Во-вторых, вы не обратились бы ко мне с этой простой просьбой — написать вам. Моим москвичам уже хорошо известно, что мне разрешено лишь два письма в месяц, из которых одно идет сыну, а другое, разумеется, жене в Сибирь. Почему именно два, а не три или не одно — это для меня загадка. Очевидно, те, кто изобретает правила режима для таких как я, «особо опасных», государственных пре-

ступников», решили, что нас «особо опасных», эмоции захлестывают всего лишь один раз в 15 дней, а те, которые в отличие от нас не на «стропом режиме», а на «общем» или «усиленном» — те много эмоциональнее нас и потому могут писать своим женам, детям и друзьям сколько душе угодно. Многое, друг мой, непонятно мне. Я, как вы знаете, полный профан в юридических науках и других, смежных с ними, и поэтому в простоте душевной всегда считал, что слова, «бытующие в угодах юстиции», однозначны; также я полагал, что если эти слова записаны в законе, то они должны материализоваться в повседневной нашей практике. Увы, я при всем своем скепсисе был слишком наивен. В читаемых мною книгах, статьях, кодексах, в слышанных мною лекциях и беседах, посвященных проблемам «преступления и наказания», чуть ли не в каждой фразе я встречал такие слова, как «исправление», «воспитание», «перевоспитание» и т. п. Я даю вам честное слово, что за то время, что я провел за проволокой, я ни разу не видел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало мне «исправление» или «воспитание». То есть, слова эти употребляются ежечасно, это самые ходовые термины в не слишком обширном лексиконе нашего начальства, но содержание их... Знаете, русское слово «позор» значит по-чешски «внимание». Так и здесь — кажется, что те слова и термины, которые мы привыкли употреблять, раз навсегда согласившись об их значении, — эти слова переведены здесь на какой-то особый, лагерный, не-русский язык. При таком художественном переводе голодный паек может, разумеется, звучать как «воспитание», а наручники — как «перевоспитание». А можно и наоборот, назвать предмет или явление по-другому — чудеса в решетке, магия слова, торжество эвфемизма! Вот, например, ошибаетесь, если думаете, что я сидел в тюрьме — я «содержался в следственном изоляторе» и меня не бросали в карцер, а «водворяли в штрафной изолятор», а занимались этим не надзиратели, а «контролеры» и письмо это я вам пишу отнюдь не из концлагеря, а из «учреждения» (такой наш почтовый адрес — похоже для того, чтобы не смущать нежные души почтовых работников). Сами понимаете, что пробыть 5 лет (или 15 или 25) в «учреждении», — совсем не то, что «просидеть 5 лет в лагере». Равно как и «отказ от приема пищи» переносится значительно легче, чем «голодовка». Да, вот, голодовка. Не знаю, слышали ли вы, что было у меня и у моих товарищей такое развлечение? Было год с лишним назад и это, мягко выражаясь, не лучший эпизод

моей жизни. И вот сейчас снова приходится сталкиваться с этим. Вы скажете — самоуничтожение. Да, согласен. Вы скажете — бесперспективно. Возможно так. Вы скажете — жестоко по отношению к близким. И это верно, но друг мой, а что же еще остается делать, когда испробованы все мыслимые и немыслимые способы добиться справедливости — и все безрезультатно? Причем, не думайте, что я говорю о некоей «справедливости» лишь в нашем «арестантском» понимании. Речь идет о том, запрещение чего законом и не предусмотрено, и, стало быть, не является нарушением каких-то норм и правил. Я все забываю, что вы не поймете с полуслова, как уже привыкли понимать москвичи, что вы не в курсе наших дел и волнений. Вот вам в двух словах ситуация. У меня здесь есть товарищ. Вы наверняка слышали и читали о нем — это Александр Гинзбург, Алик, как зовут его все знакомые. Не буду играть в беспристрастие. У меня к нему особое отношение, вполне объяснимое, если знать, что единственной причиной его ареста была книга «Процесс Синявского и Даниэля», составленная им. Когда я только узнал об этой книге, я сразу подумал о доброте и рыцарственности автора; когда я познакомился с ним, то убедился, что так оно и есть. И вот что происходит с ним и еще с одним человеком, которого я знаю лишь по письмам, фотографиям и рассказам, — с Ириной Жолковской. Алик Гинзбург и Ирина — муж и жена, они были, выражаясь казенным языком, в «фактическом» браке. Нам объяснять, что это значит? Наверное, надо, потому что, оказывается, кроме любви и близости — я-то, простофиля, думал, что этого вполне достаточно, чтобы быть мужем и женой, — кроме этого еще нужно «совместно проживать» и «вести общее хозяйство». И проживали они совместно, и общее хозяйство вели (и это подтверждено документально), и любили и любят друг друга, и были близки. Все было — не было лишь штампа в паспорте, не было регистрации брака. И вот сейчас им отказывают в праве быть мужем и женой. Если бы было все наоборот, то есть если бы они не жили вместе, не вели бы этого самого общего хозяйства, не любили друг друга и не были бы близки, но в паспортах стояли бы штампы, то тогда бы все было в порядке! Ни один самый ревностный чиновник не усомнился бы, что они супруги. А они, к несчастью, немного опоздали или КГБ несколько поторопился: Алика арестовали за **шесть** дней до ЗАГСа, до регистрации, до свадьбы. Да-да, они как полагаются, подали заявление в ЗАГС, чтобы стать мужем и женой не

только по существу, но и в глазах домоуправлений. И вот — арест. Ладно, арестовали, судили, осудили. Не будем говорить о соответствии всего этого закону и правосудности. Но вот вопрос: что же им мешает завершить юридические процедуры по оформлению брака? Закон? Нет, закон не предусматривает запрещение оформления брака между тем, кто в заключении, и тем, кто на воле. Может, прецедента не было? Нет, был. В январе 1966 в Ленинградской тюрьме — виноват, в следственном изоляторе! — был зарегистрирован брак между осужденным по той же статье УК, что и Гинзбург В. М. Смолкиным и его невестой, Наташей Чернявской. Причем ситуация была абсолютно аналогичной: Валерий и Наташа подали заявление в ЗАГС, за какой-то пустяковый срок до свадьбы произошел арест, но их все же зарегистрировали — все честь-честью с официальными служащими, со свидетелями, с поздравлениями и с вождленным «свидетельством о браке». И, между прочим, ни у кого даже не возникло вопроса о «фактическом браке» был он или не был. И вполне разумно, естественно, человечно: раз люди любят друг друга, пусть будут мужем и женой. Ведь даже дореволюционные, царские власти дали возможность обвенчаться осужденным В. И. Ленину и Н. К. Крупской, чтобы они могли быть вместе в ссылке. А вряд ли у царских властей было меньше претензий к Ленину, чем у советской власти к Гинзбургу! Случай со Смолкиным, возможно, не единственный, но именно он мне известен досканально: Смолкин был моим приятелем, а свидетель при бракосочетании, Сергей Мошков, и сейчас мой товарищ.

Я не знаю, как обстоят дело с подобными браками в зарубежных странах: если верить Л. Фейхтвангеру, и его роману «Умпец» (основная тема которого реакционность баварской юстиции 20-х г.г.), то браки между заключенными и «вольными» были нормой. Впрочем, нам ведь за граница не указ . . .

Так как же все-таки с Гинзбургом и Жолковской? Может быть, их «фактический брак» подвергается сомнению в «соответствующих инстанциях»? Нет, не подвергается, более того, он признан официально: осенью 1968 года у Ирины и Алика было так называемое «личное свидание» — сутки в отдельной комнате и без посторонних глаз (в отличие от «общего свидания», где в присутствии надзирателя вы можете провести от часу до четырех). Выходит, все хорошо? Как бы не так! Недавно вышла инструкция, рожденная в недрах МО-ОПа: свидания «личные» и «общие» разрешаются лишь по

предъявлению свидетельства о браке. Значит, конец. Значит, они не увидят друг друга до конца заключения Алика. Но, может быть, раз закон не запрещает, раз были прецеденты, раз брак между ними признан, черт побери! — может быть им разрешат зарегистрироваться?

Ирина Жолковская бежит из ведомства в ведомство. От одного высокопоставленного лица к другому. С нею безукоризненно вежливы, ее сочувственно выслушивают — и ничего не разрешают. Вопрос, видите ли, обсуждается, — может быть, такая регистрация и будет в принципе разрешена, но критерием для разрешения или отказа в каждом случае будет, извините, наличие или отсутствие детей... А у вас деток нет? Ах, не успели... Очень, очень жаль. Когда я слышу все это, когда читаю письма, мне хочется вопить во всю глотку. Да что же это такое?! Люди несут крест — тяжелей не выдумаешь, Гинзбург **лишен свободы** — страшней этого, по-моему, только смерть. Он разлучен со всеми близкими — и они разлучены с ним.

Почему, на каком основании, по каким законам, Божеским, человеческим и государственным, у него и его жены отнимают право видаться? Почему к нему не приложили то, что оказалось возможно с другими? Какой мыслитель из министерства установил, что дети — непременная составная брака? По его разумению, Ленин и Крупская, стало быть, не были мужем и женой. А если люди в самом деле не успели родить ребенка? А если они не могут его родить? Скажем, если женщине запретили врачи? Логика во всей этой безобразной истории — ни крупинки, с начала и до неотвратимо надвигающегося конца. Я уже не говорю о таких вневедомственных категориях, как человечность, гуманизм. Хотя впрочем, что же это я? Почему же «вневедомственных» — «наказание не имеет целью... унижение человеческого достоинства» (УК РСФСР, ст. 20 «Цели наказания»). Так как же насчет человеческого достоинства в этой ситуации? Советское уголовное право, криминология, исправительно-трудовое право, педагогика и психология... «признают, что каждый правонарушитель при условии глубокого и всестороннего изучения его личности, определения наиболее эффективных для данной личности приемов исправительно-трудового воздействия может быть исправлен» («Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений», Москва, издательство юридической литературы, 1968). Надо полагать, что для Гинзбурга нашли такой «наиболее эф-

фективный прием» — не давать свидания с женой. А почему бы не ускорить процесс исправления — запретить свидания и с матерью? Тем более, что это будет, ох, как гуманно по отношению к ней: она тяжело больна, и ей трудно ездить на свидания. Читаете вы это письмо и, небось, мысленно обращаетесь ко мне: «Так ведь этот Гинзбург — ваш товарищ, наверное, на вас похож! Терпеть не может делать и из рук вон плохо делает нелюбимую работу, отлынивает от нее, «заведется с полоборота» и лается с начальством, взысканий нахватал уже целый короб — как и вы . . . где же относиться к нему нормально?» Так вот — не похож он на меня. Любую работу делает ловко и умело, ниже 100% выработки у него еще ни разу не было; сдержан, безупречно вежлив и вполне «парламентарен» в выражениях, и ни одного взыскания у него нет. И все начальство в один голос: «Поведение безукоризненное!» Ничего не помогает. А что же Гинзбург?

Он-то ведь не может бегать по заветным кабинетам и объяснять, как он любит Ирину. А он говорит просто: «Если они не дадут мне возможности видеться с Ириной, я объявлю голодовку и не буду есть до тех пор, пока не получу свидание или не сдохну» и улыбается. А улыбаться он умеет хорошо. Убедительно улыбается. А другой мой товарищ говорит: «А я к тебе присоединюсь, Алик». А Ирина пишет: «Пусть меня тогда тоже сажают, раз не дают встречаться». (А тем временем ее выгоняют с работы. И выгоняют, как жену Гинзбурга, не пожелавшую почему-то одобрить приговор своему мужу!). А я? А я пишу вам письмо, друг мой, и подробно отвечаю на вопрос о моей жизни, о друзьях и о мыслях. Сейчас именно это — мои мысли, именно это — моя жизнь. Никакой другой жизнью мне сейчас не живет, ни о чем другом не думается. И я не вижу, чтобы кто-нибудь смог ответить на такой простой вопрос: «Кто в этой ситуации заинтересован? Алик? Ирина? Их родители или друзья? Лагерная администрация? Министерство внутренних дел? Комитет государственной безопасности? Закон? Государство? Все прогрессивное человечество?». На любое предложение мыслим лишь один ответ: «Нет». Что же в конце концов стоит на пути к единственно разумному и человечному решению вопроса? Я не знаю. И, кажется, никто не знает. Может быть, то неопределенное и всепроникающее явление, которое зовут бюрократизмом и которое Ленин определил как действия правильные формально и издевательские по существу? Я процитировал не дословно. Впрочем, это не так

уж важно, потому что к тому, о чем я рассказал, приложима лишь вторая половина ленинской формулы . . .

Друг мой, простите за мрачное письмо. Когда-нибудь, если у меня появится возможность, я напишу вам что-нибудь повеселее, а пока я лишь тоскую, жду надвигающихся событий. Очень это страшно, когда испытательный срок ЗАГСом длится 28 месяцев, а то, что человек его выдержал, подтверждается голодовкой . . . И кто знает, не начнется ли цепная реакция, — лагерь-то, в основном, политический. И совсем недавно, в этом месяце, мы были на грани коллективной голодовки — но на этот раз, слава Богу, обошлось благополучно . . . Как хотелось бы закончить словами любимого моего Пастернака:

Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра,

но, признаюсь вам честно: нет у меня той веры, что была у настоящих Поэтов и Мастеров. До свиданья, постарайтесь не разлюбить меня за пессимизм.

Ваш Юлий Даниэль .

1969, март.

* * *

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЕ ПОТЬМА

В Президиум Верховного Совета СССР

Это не жалоба, рассчитанная на рассмотрение органами, в чьем ведении находятся лагеря и тюрьмы.

Не исключая использования нашего письма для установления и проверки изложенных в нем фактов и принятия соответствующих мер, мы просим ознакомить с ним всех депутатов Верховного Совета СССР.

Граждане депутаты!

Одна из ближайших сессий Верховного Совета СССР должна обсудить и принять Основы исправительно-трудового законодательства СССР. Об этом объявлено в печати и, насколько

ко нам известно, в каких-то инстанциях уже обсуждается проект этих Основ.

Поскольку принятие этого Закона в некоторой степени зависит от вас и некоторым образом затрагивает нас, мы считаем необходимым изложить вам факты о сегодняшнем положении в этой области советского права, о сегодняшнем толковании и применении законодательства в сегодняшних лагерях.

Наш личный опыт позволяет нам говорить лишь о положении в лагерях строгого режима, где содержится основная масса политических заключенных (по официальной терминологии, особо опасных государственных преступников). О том, что творится в тюрьмах и лагерях особого режима, куда, как правило, посылают повторно осужденных по политическим статьям, мы знаем лишь со слов и потому писать не можем.

Мы сейчас не касаемся и предоставленного вами, законодателями, государству права сажать (назовите это как хотите — переубеждать, перевоспитывать, изолировать, карать) инакомыслящих, пропагандирующих свои взгляды или мнения. Речь идет лишь о методах наказания (изоляция, переубеждения и пр.).

Итак, по существу.

Наше положение регламентировано сейчас (формально) одним законодательным актом — Уголовным кодексом (ст. 20 — Цели наказания), одним подзаконным — «Основные права и обязанности заключенных», и многими секретными (как нам говорят) инструкциями. При этом инструкции не соответствуют правилам, а те и другие противоречат прямому указанию Закона: «Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Хотя до сих пор формально не отменен Исправительно-трудовой кодекс 1926 года, он не только не отражает нынешней жизни в заключении, но некоторые его положения выглядят сегодня чистой фантастикой: работа по специальности, отсутствие ограничений в переписке и получения помощи от родных и т. п.

Напомним, кстати, что Кодекс 1926 года фактически утратил силу и был вытеснен секретными инструкциями в недоброй памяти тридцатые годы. И эта традиция засекречивания документов, определяющих наше положение, сохраняется по сей день.

Поэтому о самих инструкциях мы тоже говорить не мо-

жем. То ли действительно они таковы, то ли выдумка для оправдания произвола лагерной администрации. Значит, разговор может идти об известных нам «Правилах» («Основные права . . . ») и, в первую очередь, о практике.

Речь идет об **ограничении питания, холоде и издевательствах**. Может, юристы и найдут слова, совмещающие это с 20-й статьей Уголовного кодекса, но мы не юристы. Вот факты:

1. Норма питания в лагере 2.413 калорий. Такая норма (по данным журнала «Здоровье») — минимум для здорового неработающего человека, живущего в нормальных условиях. Но и эта норма доходит до нас далеко не полностью. Пища наша бесвкусна, однообразна и почти не содержит витаминов. Если у нас и нет достаточных оснований говорить о настоящем голоде, то постоянное витаминное голодание — факт несомненный. Не случайно в лагерях так много страдающих желудочно-кишечными болезнями.

Есть ларек, где можно купить предметы первой необходимости, табачные изделия и продукты по крайне ограниченному списку на 5 рублей в месяц. Сознательно исключена возможность приобретения в ларьке или получения каким-либо иным способом зелени или других витаминосодержащих продуктов.

Получение продуктов питания в бандеролях запрещено (разрешены только книги, журналы, газеты и письменные принадлежности).

Посылки, которые мы могли бы, по официальным правилам, получать трижды в году (по истечении половины срока), получают (говорят, в соответствии с инструкциями) лишь те, кто угоден начальству. В общей сложности мы, нижеподписавшиеся, находимся в заключении более 22 лет, но за это время ни один из нас не получил в лагере ни одной продуктовой посылки.

Пока речь шла о «верхнем пределе» нашего питания. Любой из нас в любую минуту может быть лишен как права пользоваться ларьком (это любимый здесь способ наказания), так и водворен в штрафной изолятор, где норма питания может быть доведена уже до 1.300 калорий (а фактически, как и в первом случае, еще меньше). А это уже просто голод.

2. Нормальная температура в жилых и производственных бараках поддерживается лишь в летнее время. Осенью, зимой и весной она находится на уровне 10-12 градусов. Повышение ее связано с непосильным для администрации расходом

дров, потому что бараки старые, а климат — не средиземноморский.

Борьбу с холодом в лагере проводят весьма своеобразным способом: у нас отобрали все теплые вещи — свитеры, куртки и т. п.

3. Мы уже говорили выше о некоторых мерах наказания. Добавим, что карцер — это не только голод, но и собачий холод, потому что телогрейку вам дают только на ночь. Все остальное время в вашем распоряжении голые нары и цементный пол.

Каковы же поводы для подобных наказаний?

Мы не случайно говорим о поводах, а не о причинах, потому что действительные нарушения правил в политических лагерях фактически отсутствуют. Но «наказывать необходимо» и наказывают.

За то, что не проснулся по удару в рельсу.

За то, что не встал перед офицером.

За то, что варил кофе или жарил хлеб.

За то, что не пошел на политинформацию.

За то, что вырастил в зоне несколько травинок укропа (кстати, о витаминах) или отказался их вытоптать.

За то, что не выполнил норму и т. д. и т. п.

«По совокупности» такие поступки могут повлечь за собой и полугодовое содержание в карцере («камерный режим») и перевод в тюрьму на срок до трех лет. Последнее решается судом, но права на адвокатскую защиту мы в этом случае лишены.

4. Лишение очередного свидания с родными — тоже одно из наказаний, предусмотренных правилами. Мы вообще имеем право на одно «личное» свидание в год (до трех суток) и три «общих» (в присутствии надзирателя, до четырех часов). Но трое суток или четыре часа такое же исключение, как и посылки. Без всяких формальных поводов администрация может сократить время личного свидания до одних суток (а с выводом на работ у — это 12-14 часов), а общего — до одного часа.

Добавьте к этому и ограничения в переписке (мы можем отправлять не более двух писем в месяц, любое из них, как и любое письмо к нам, может быть конфисковано, как официально, например, «в связи с подозрением в условности между отправителем и адресатом», так и неофициально — значительная часть наших писем и писем к нам пропадает бесследно),

регламентацию содержания писем (мы не можем писать о нашем положении, такие письма всегда «пропадают») и вы поймете, насколько затруднена защита жалких остатков наших прав от любого произвола.

5. Отдельно следует остановиться на специальных способах переубеждения инакомыслящих.

Первый и основной из них — регулярные так называемые «политинформации», когда из года в год повторяется все тот же начальный курс политграмоты. Полуграмотные офицеры, по складам читая по написанному или пересказывая своими словами, безбожно коверкают и его. На том же уровне время от времени зачитываются недельной и более давности передовицы из газет. Вопрос, на который офицер не может ответить (а таких большинство), может быть расценен как «провокационный», и задавший его тем или иным способом наказывается. Высказывание собственных взглядов грозит новым судом и сроком. Посещать же эти «политинформации» мы обязаны — тоже под страхом наказания.

Нерегулярные «лекции», читаемые теми же офицерами или заезжими лекторами, как правило, оскорбительны для религиозных и национальных чувств политзаключенных.

К «воспитательным» мерам, очевидно, следует отнести и запрещение получения верующими (сидящими за религиозную деятельность) религиозной литературы (запрещена даже Библия), запрещение получать и выписывать литературу и периодику, издаваемую за пределами Советского Союза, в том числе и коммунистическую прессу, и прессу социалистических стран, и издания международных организаций (ЮНЕСКО, ООН и пр.).

«Воспитанием», наверно, придется назвать и постоянное унижение человеческого достоинства, и физическое насилие.

Начальник лагпункта 17-А, майор Анненков, приказывает отобрать у политзаключенных, находящихся в карцере, бумагу и рекомендует им вместо туалетной бумаги пользоваться пальцем.

Дежурный офицер, лейтенант Такташев, приказывает надеть на политзаключенного наручники, а надзиратели «во исполнение долга» еще и избивают его.

Никто из виновных ни в том, ни в другом, ни в каком-либо еще случае не наказан. Все они продолжают «воспитывать».

Мы не в состоянии перечислить здесь все подобные случаи, для этого понадобились бы тома. Тех из вас, кто заинте-

ресуется подробностями, мы отсылаем к жалобам — нашим и другим, направлявшимся в разные инстанции, в том числе и в Президиум Верховного Совета СССР в последние два года. В частности, к заявлениям, обосновывавшим голодовку протеста в феврале прошлого года, в которой приняли участие и некоторые из нас.

Естественно, все эти меры физического и психического воздействия на политзаключенных не приводят, да и не могут привести к планируемым результатам, если только не планируется испытание нашей стойкости и твердости. Ограничения и издевательства могут сломить только самых слабых, но ради них ведь и стараться не стоит.

Мы употребляем слова «произвол», «издевательства» и т. п. в том значении, в каком они приняты советской печатью по отношению к подобным явлениям в других странах, в том числе и в странах социалистического лагеря. Так, газета «Известия», перепечатывая анонимные статьи чехословацкого «Историка» (см. № 171 за 1968 год и № 6 за 1969 год) называет цензуру писем, порядок разбора жалоб заключенных, систему наказания и прочие «твердые бескомпромиссные и последовательные методы воспитания», применявшиеся в лагерях принудительных работ, «негуманными, противозаконными акциями».

Конечно, условия содержания политзаключенных сейчас не идут ни в какое сравнение с Колымой, Воркутой или Тайшетом 40-х годов. Но те условия не могут служить не только эталоном но и точкой отсчета, хотя желающие равняться на них у нас еще находятся. Не случайно: ведь Дубравлагом, где мы находимся, руководит полковник Громов, бывший в 1949 году начальником одного из самых страшных политических лагерей в Тайшете. Не случайно: ведь подполковник Сучков, ныне заместитель начальника политотдела Дубровлага, заявляет сегодня больному с 38-градусной температурой: «В свое время у нас с такой температурой работали».

Граждане депутаты!

Обращаясь к вам, мы отдаем себе отчет в том, что за нынешнее положение вы отвечать не можете. Но завтра — принятием Основ исправительно-трудового законодательства — ответственность за судьбы людей, подпадающих под их действие, будет переложена на вас. Поэтому мы и сочли своим долгом обратиться к вам с этим письмом. Сегодня в ваших силах как подтвердить и закрепить существующее положение, так и из-

менить его в ту или другую сторону — узаконить произвол или ограничить его действенным контролем за соблюдением наших прав, прав человеческих и гражданских.

Ю. Галансков
Мошков
В. Калниньш
Ю. Даниэль
А. Гинзбург
Ронкин

* * *

Протест десяти против возрождения сталинщины .

ОБРАЩЕНИЕ К МЕЖДУНАРОДНОМУ СОВЕЩАНИЮ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В МОСКВЕ

Мы обращаемся к международному Советанию коммунистических рабочих партий по поводу возрождения сталинских методов в нашей стране.

Двадцатый и двадцать второй съезды разоблачили и осудили Сталина и его тяжкие преступления против партии и народа. Были осуждены сталинская единовластная диктатура, произвол органов безопасности, десятки лет державших общество в атмосфере постоянного страха и террора; концентрационные лагеря, в которых погибли миллионы невинных людей, преступная национальная политика, при которой репрессировались целые нации; тупик, в который зашло народное хозяйство; застой науки и культуры; низкий уровень потребления; катастрофический жилищный кризис и многие уродливые проявления сталинской диктатуры.

Партия торжественно обещала советскому народу, что культ личности и его последствия никогда больше не повторятся в нашей жизни. Было сказано, что будут восстановлены ленинские нормы демократии.

Советская общественность поверила этим сообщениям, и действительно, многое было сделано для юздорвления жизни нашего народа.

Некоторую тревогу вызывал замедленный и не вполне последовательный характер процесса десталинизации. Об этом писал в своем политическом завещании Тольятти.

Но еще большая тревога появилась, когда после смещения **Хрущева** процесс демократизации стал постепенно и исподволь сменяться реставрацией сталинских методов.

Тогда в Советском Союзе возникло движение за гражданские права. Вехи этого движения известны всему миру. Они датируются процессами **Синявского — Даниэля, Гинсбурга и Галанскова, Хаустова и Буковского, Литвинова и Ларисы Даниэль**, процессами над крымскими татарами, участниками народного движения за возвращение в Крым, процессами на Украине, судами над **Марченко и Белгородской** и недавними арестами **Яхимовича, генерала Григоренко и Габая**. Этот список можно увеличить во много раз.

В этой связи нужно сказать о незаконных арестах и неправосудных приговорах, об отсутствии гласности и о пристрастии судов, о многочисленных нарушениях процессуальных норм, об обысках и слежке, о подслушивании телефонных разговоров и перлюстрации писем (в связи с этим неосужденные, находящиеся на свободе граждане СССР, если они не угодили КГБ могут быть поставлены в положение изгоев — им не передают писем, их лишают возможности свободно пользоваться телефонами, все, кто с ними общается, немедленно попадают под надзор КГБ).

Граждане, которые осмеливаются выступать с критикой каких бы то ни было постановлений правительства (независимо от того являются ли они коммунистами или беспартийными) подвергаются издевательствам, травле, незаконным увольнениям с работы. Коммунисты за малейшую попытку критики подвергаются немедленному исключению из КПСС (в нарушение Устава партии). Последнее время все более частым стало помещение в психиатрические больницы вполне здоровых людей. Мы просим представителей международного коммунистического движения помочь в ликвидации подобных явлений, которые так же, как и извращения сталинизма, ложатся позорным пятном на все международное коммунистическое движение. Все эти судебные и внесудебные репрессии направлены на подавление независимых убеждений. Снова, как при **Сталине**

альтернативой является молчание. Опять, как в то страшное время, нас лишают возможности выражать свои убеждения. Но несмотря на преследования, люди не молчат, они протестуют. После полувековой истории социализма в нашей стране советские люди не согласны отождествлять социализм со сталинизмом.

В то же время, в последние годы все чаще предпринимаются открытые попытки в художественной и исторической литературе и даже на страницах партийных журналов вернуть **Сталина** его былое величие и, тем самым, поставить под сомнение решение двадцать второго съезда КПСС убрать **Сталина** из мавзолея. Все больше становится заметным растущее влияние людей, стремящихся вернуть сталинское прошлое. Снова в государственном и партийном аппарате задают тон старые сталинские кадры. Как иначе можно расценивать ввод советских войск в дружественную Чехословакию?

Мы спрашиваем у представителей коммунистических партий чьим идеалом является построение самого справедливого общества:

Неужели столь видимая реставрация сталинизма в нашей стране, возглавляющей коммунистическое общество, не вызывает вашей тревоги? Неужели нельзя предотвратить его катастрофические последствия?

Мы призываем вас рассмотреть всю серьезность положения и сделать все, что велит вам совесть и разум, все что в ваших силах, чтобы не позволить злой тени **Сталина** омрачить наше будущее.

Подписали :

Алтунян Г. — инженер, коммунист (Харьков).

Григоренко З. — пенсионерка, коммунистка.

Габай Илья — учитель (ташкентский следственный изолятор КГБ) — по его поручению **Галина Габай**.

Джемилев Р. — рабочий (Краснодарский край).

Костерина И. — служащая.

Краснов-Левитин — церковный писатель.

Петровский — историк, коммунист.

Писарев С. — пенсионер, коммунист

Плющ Л. — математик (Киев).

Якир П. — историк.

1 июня, 1969 года.

* * *

Отношение КПСС и ее органов, в том числе «гуманитарных», к заключенным отражено в письме полученном Анатолием Марченко в ответ на его требование произвести расследование бесчеловечного режима в современных концлагерях СССР. Через четыре месяца после этого эпизода, Марченко был вновь арестован, осужден и отправлен в распоряжение тех чекистов, против жестокости и беззакония которых он пытался бороться.

* * *

СССР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ОРДЕНА ЛЕНИНА
союза обществ
КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА
Москва, В-36, 1-й Черемушкинский проезд, 5.

Тел. В 65731

№ 142/125 юр

Москва 29 апреля 1968 г.

ДЕЛО :

Гр-ну МАРЧЕНКО А. г. Александров Владимирской об.
ул. Новинская, д. 27

Письмо, присланное в Исполком СОКК и КП СССР от Вашего имени, к сожалению, никем не подписано, что исключает возможность и необходимость входить в подробное его рассмотрение по существу.

Все же Исполком считает необходимым кратко отметить, что наше законодательство и наше советское правосознание рассматривают людей, которые подняли руку на завоевания Октября, как совершивших самое тяжкое преступление перед своим народом и заслуживающих суровой кары, а не каких-либо поблажек и послаблений.

В свете сказанного делается очевидной вся несостоятельность и всех других Ваших утверждений.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИСПОЛКОМА СОКК И КП СССР
(Ф. ЗАХАРОВ)

Адрес для телеграмм :

Москва — ИКРЕСТПОЛ

* * *

ВЕРУЮЩИЕ ГОРЬКОГО С ПЕТИЦИЕЙ К ОБЪЕДИНЕННЫМ НАЦИЯМ

В июне 1969 г. Синодом Русской Зарубежной Церкви получена копия нового документа о религиозных преследованиях в Советском Союзе. Дело идет на этот раз об адресованном на имя генерального секретаря Объединенных Наций, У Тана, обращении от православных верующих из города Горького.

Под обращением имеется 60 подписей с перечислением полных имен и адресов. Подписавшие ходатайствуют о постройке в Горьком, по меньшей мере, еще одной церкви. До революции этот город насчитывал свыше 40 церквей на 110.000 населения. Теперь, когда период поглотил много окружавших его деревень, а население его достигло 1.2 миллионов человек, — в нем осталось только три церкви. По своим размерам церкви эти самые маленькие. Они могут вместить максимально 4.000 человек, в то время, как число верующих определяется минимально в 120.000 человек.

Верующие Горького обратились к Объединенным Нациям после того, как попытки добиться каких-либо результатов непосредственно от советских властей успехом не увенчались. Для них это было большим разочарованием. Они твердо рассчитывали получить разрешение от советских властей, так как слышали по радио сделанное в 1967 году за границей заявление митрополита Никодима о возможности открытия в Советском Союзе церкви при наличии ходатайства от достаточного числа верующих.

Жители Горького очень быстро сообразили, что заявление Никодима было только пропагандой для иностранцев. Когда, летом 1967 года, они подали первое прошение о разрешении открыть еще одну церковь, ходатайство это пересылалось из одного ведомства в другое, сначала — в Горьком, а затем — в Москве. В сентябре 1968 года авторы ходатайства были уведомлены, что в разрешении отказано. Следующая петиция, адресованная президиуму Верховного Совета, осталась без ответа.

Верующие сперва обратились к властям на местах. Под петицией имелось 1.500 подписей. Им было отвечено, что число

подписей следует сократить до двадцати и адресовать ее в различные городские районы. Это было немедленно сделано, но осталось тоже без всякого результата. Подписавшим петицию было заявлено, что трех церквей в Горьком вполне достаточно. Глава городского совета Гришанов указал делегации верующих, что «в будние дни в церквях имеется достаточно места».

Попытка верующих обратиться после этой неудачи в правительственные учреждения окончилась весьма плачевно для подписавших петицию лиц. На них было оказано давление и использованы угрозы, чтобы заставить снять свои подписи под петицией. Но на этом дело не кончилось. 29 июня 1968 года, подписавшие петицию отправили на имя генерального секретаря коммунистической партии Леонида Брежнева письмо с жалобой на эти преследования.

Совершенно тщетными оказались также попытки обращения в московскую патриархию с просьбой о помощи и защите. В ответе оттуда говорилось, что петиция была переправлена директору административного департамента — митрополиту Алексию Таллинскому. На этом дело закончилось.

Тогда верующие решили обратиться к последнему средству: попытать счастья в Мировом Совете Церквей и в Объединенных Нациях.

Мировой Совет Церквей отказывается, однако, реагировать на информацию о религиозных преследованиях в коммунистических государствах, а комиссия по защите прав человека в Объединенных Нациях не имеет полномочий принимать какие-либо меры по поступающим жалобам на нарушения этих прав.

* * *

ПЕТИЦИЯ 54-х

*

Во второй половине мая 1969 г., иностранным корреспондентам в Москве была передана петиция пятидесяти четырех советских граждан о защите их прав человека от произвола советских властей. Одновременно текст петиции был направ-

лен в Объединенные Нации в Нью Йорке, т. к. представители О. Н. в Москве отказались принять это обращение, мотивируя отказ тем, что подобные документы не принимают «в частном порядке».

В течение довольно долгого времени советские служащие О. Н. всячески тормозили продвижение дела, отказываясь подтвердить получение петиции. Только после того как в О. Н. были направлены копии петиции, полученные разными организациями в США, Англии и др. странах, секретариат О. Н. решил приступить к более энергичному расследованию и московскому информационному центру О. Н. был послан соответствующий запрос. И. о. директора этого центра, Игорь Четчин, сообщил, что «в центре ни о какой петиции ничего не известно». На основании этого сообщения советского служащего О. Н., Генеральный секретарь О. Н., У Тан, распорядился считать дело о «петициях 54-х» прекращенным.

Однако, если целью советских служащих в О. Н. было утаить содержание петиции от мировой общественности, то они добились как раз обратного результата. Многие иностранные газеты поместили на своих страницах не только полный текст петиции, но и другие материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к вышеупомянутому обращению советских граждан. В О. Н. начали поступать сотни писем и меморандумов от частных лиц и разных организаций с требованием пересмотреть принятое решение и провести тщательное расследование обвинений предъявленных советскому правительству гражданами СССР.

* * *

Обращение 54 - х

В КОМИССИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

1. Мы, подписавшие это письмо, глубоко возмущены непрекращающимися политическими преследованиями в Советском Союзе, усматривая в этом возвращение к сталинским вре-

менам, когда вся наша страна находилась в тисках террора, обращаемся в Комиссию прав человека ООН, с просьбой защитить попираемые в нашей стране человеческие права.

2. Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и жалобы, направляемые в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда на то, что наш голос может быть услышан, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно указывали, надежда эта истощилась.

3. Поэтому мы обращаемся в ООН, полагая, что защита человеческих прав является святой обязанностью этой организации.

4. В этом документе мы будем говорить о нарушении одного из самых основных прав человека — права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными средствами.

5. На политических процессах в Советском Союзе часто можно услышать фразу: «Вас судят не за убеждения».

6. Это глубоко неверно. Нас судят именно за убеждения. Когда нам говорят, что нас судят не за убеждения, то на самом деле хотят сказать следующее: можете иметь какие угодно убеждения, но если они противоречат официальной политической доктрине, не смейте их распространять.

И действительно, аресты, суды, о которых мы будем говорить, происходят всякий раз, когда люди, имеющие оппозиционные взгляды, начинают их распространять.

7. Но распространение убеждений является естественным продолжением самих убеждений. Поэтому в статье 19 всеобщей декларации прав человека сказано: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободу выражения их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободно искать, получать и распространять информацию идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

8. Таким образом, хотя формальным моментом для преследований является распространение убеждений, на самом деле людей судят за сами убеждения.

9. Судят их по обвинению в клевете на советский государственный и общественный строй, с умыслом (ст. 70 УК РСФСР), или без умысла (ст. 190-1 УК РСФСР) подрыва со-

ветского строя. Никто из людей, осужденных на известных нам политических процессах не задавался целью оклеветать советский строй или, тем более, действовать в целях его подрыва. Таким образом, на всех этих процессах людей осудили по вымышленным обвинениям.

10. Мы сошлемся на несколько примеров, которые стали предметом широкой гласности как в Советском Союзе, так и за его пределами.

11. Процесс Синявского и Даниэля, которых осудили за опубликование за границей художественных произведений, критикующих советскую действительность.

12. Процесс Гинсбурга и Галанскова, осужденных за опубликование литературного журнала «Феникс-67» и белой книги о процессе Синявского и Даниэля.

13. Процесс Хаустова и Буковского, организовавших демонстрацию против ареста Гинсбурга и Галанскова.

14. Процесс Литвинова, Ларисы Даниэль и других за демонстрацию против ввода советских войск в Чехословакию: важным моментом этих последних процессов является то обстоятельство, что их участникам вменяли в вину содержание лозунгов.

15. Суд над Марченко, формально осужденным за нарушение паспортного режима, что, кстати, не было доказано на суде; фактически же осужденный за книгу «Мои показания» о положении заключенных в послесталинские годы.

16. Суд над И. Белгородской за попытку распространения письма в защиту Марченко.

17. Процесс Гендлера, Кравчевского и других в Ленинграде, которых осудили за распространение книг зарубежных изданий.

18. Процессы над людьми, выступавшими за национальное равноправие и за сохранение национальной культуры:

19. На Украине — процесс в Киеве в 1966 году, на котором было осуждено более 10-ти человек; процесс Черновила в Львове, осужденного за книгу о политических процессах; и многие другие процессы.

20. Процессы над крымскими татарами, борющимися за возвращение на родину, в Крым; за последние годы прошло около 20-ти политических процессов, на которых осуждено более 100 человек; на днях в Ташкенте состоится новый и са-

мый большой политический процесс, на котором предстанут 10 представителей крымских татар.

21. Процессы в прибалтийских республиках, в частности, процесс Калниньша и др.

22. Процессы над советскими евреями, требующими права выезда в Израиль; на последнем процессе в Киеве инженер Б. Кошубиевский был осужден на 3 года.

23. Процессы над верующими, требующими права на свободу вероисповедания.

24. Все эти политические процессы в силу их незаконности происходили с грубейшими нарушениями процессуальных норм, прежде всего, гласности, а также беспристрастности судебного разбирательства.

25. Мы хотим также обратить ваше внимание на особенно бесчеловечную форму преследований: помещение в психиатрические больницы нормальных людей за политические убеждения.

26. В последнее время произведен ряд новых арестов. В конце апреля этого года арестован художник В. Кузнецов из г. Пушкина Московской области, которого обвиняют в распространении «Самиздата», то есть: литературы, не публикуемой советскими издательствами.

27. В эти дни в г. Риге арестован И. Яхимович, бывший председатель колхоза в Латвии, обвиняемый в написании писем, протестующих против политических преследований в Советском Союзе.

28. В начале мая арестован бывший генерал-майор П. Г. Григоренко, один из наиболее известных участников движения за гражданские права в Советском Союзе, выехавший в Ташкент по просьбе около 2000 крымских татар в качестве общественного защитника на предстоящий процесс над 10-тью крымскими татарами.

29. И, наконец, 19 мая этого года в Москве арестован Илья Габай, преподаватель русской литературы, через несколько дней после того, как у него на обыске были изъяты документы, содержащие протесты советских граждан против политических репрессий в Советском Союзе. (Весной 1967 г. Габай отсидел 4 месяца под следствием за участие в демонстрации Хаустова и Буковского).

30. Эти последние аресты заставили нас думать, что советские карательные органы решили окончательно пресечь деятельность людей, протестующих против произвола в нашей стране.

31. Мы считаем, что свобода иметь и распространять независимые убеждения окончательно поставлена под угрозу.

32. Мы надеемся, что все сказанное в нашем письме, дает основание Комиссии по защите прав человека поставить на рассмотрение вопрос о нарушении основных гражданских прав в **Советском Союзе**.

33. Инициативная группа по защите гражданских прав в СССР: Г. Алтуньян, инженер (Харьков); В. Борисов, рабочий (Ленинград); Т. Великанова, математик; Н. Горбаневская, поэтесса; М. Д. Джемилев, рабочий (Ташкент); С. Ковалев, биолог; В. Красин, экономист; А. Лавут, биолог; А. Левитин-Краснов, церковный писатель; Ю. Мальцев, переводчик; Л. Плющ, математик (Киев); Г. Подъяпольский, научный сотрудник; Там Хордорович, лингвист; П. Якир, историк; А. Якобсон, переводчик.

34. Обращение поддерживают: З. Азанова, врач (Беговат Уз. ССР); Баева Т., служащая; С. Бернштейн, литератор; Л. Васильев, юрист; Ю. Вишневская, поэтесса; А. Вольпин, математик; О. Воробьев, рабочий (Пермь); Г. Габай, педагог; Е. Егайдуков, математик; В. Гершуни, каменщик; З. Григоренко, пенсионерка; А. Григоренко, ст. техник; Р. Джемилев, рабочий (Краснодарский край); Н. Емелькина, служащая; Л. Зигиков, рабочий; А. Калиновский, инженер (Харьков); А. Каплан, физик; С. Карасик, инженер (Харьков); Л. Кац, служащая; Ю. Ким, учитель; Ю. Киселев, художник; А. Левин, инженер (Харьков); В. Кожаринов, рабочий; Л. Корнилов, инженер; В. Лапин, литератор; Т. Левина, инженер (Харьков); Д. Лифшитц, инженер (Харьков); С. Мауге, биолог; В. Недобора, инженер (Харьков); Л. Петровский, историк; С. Подольский, инженер (Харьков); В. Пономарев, инженер (Харьков); В. Рюкитянский, физик; И. Рудаков; Л. Терповский, врач; Ю. Штейн, кинорежиссер; В. Черновил, журналист (Львов); М. Якир, служащая; С. Винтовский, студент.

* * *

Освободительное Движение борется за :

6. Ликвидацию цензуры. Предоставление интеллигенции полной свободы творчества в литературе и искусстве. Независимость научной мысли, раскрепощение всех областей культуры и духовной жизни.

8. Освобождение политических заключенных. Равенство всех перед законом. Независимость и гласность суда.

(Декларация Освободительного Движения Народов России).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ НАРОДОВ РОССИИ

S. B. O. N. R.
P. O. BOX 411, STATION "B"
LONDON, ONTARIO
CANADA